

Зиновий Гердт: «Никакая власть не стоит благодарности»

Воспоминания о войне,

Вы как раненый пулевыми...

— это слова Михаила Матусовского из песни, которая вместе с кадрами военной кинохроники Великой Отечественной стала прологом фильма «Я вас дожждусь...» Якова Сегеля.

В эпиграфе: «Мальчишкам сороковых посвящаем...».

В этом фильме, снятом 35 лет назад, Зиновий Гердт сыграл свою любимую роль — учителя русского языка и литературы Аркадия Лазаревича Далмацкого.

Среди дорогих и тоже главных ролей, а их у него не много, — Виктор Михайлович Кукушкин в «Фокуснике» (1967) Петра Тодоровского, поставленном по сценарию Александра Володина.

К слову, в том же 1982 году были ещё две киноработы — поэт Оревуар из сказки «Ослиная шкура» (режиссёр Надежда Кошеверова, сценарист Михаил Вольпин) и Христофор Блохин из фильма «Сказки... сказки... сказки старого Арбата» (1982) Саввы Кулиша по пьесе Алексея Арбузова, в театральной студии которого он работал с 1939-го по июнь 1941-го — потом ушёл добровольцем на фронт.

— Зиновий Ефимович, говорят, что женщины могут сыграть в судьбе актёра роковую роль. Вы согласны?

— Согласен. И не только в судьбе актёра, но и вахтёра, шахтёра, шофёра... Далее — рифмуйте сами. Может быть, актёр более чувствителен, а так... Какая разница? Сказать почти по Шолом-Алейхему: актёр — всё равно что человек; человек живёт-живёт и умирает, и актёр живёт-живёт и умирает. Женщины?.. Ну, может быть, и женщины... Я знаю актёров, на которых женщины играли, как на балалайке, и актёров, которые совершенно твёрдо стояли против всяких коварных действий с их стороны.

— И часто такое встречается в актёрской среде?

— Бывает, бывает, бывает... И в бухгалтерской не реже.

— Тем не менее у тех, кто посвятил себя искусству, влюблённость и творческий подъём, вероятно, особенно тесно связаны между собой?

— Есть человек, конкретный, очень много лет он был тайно влюблён (потом это стало явным) и работал, работал, работал — делал значительные картины. Но до того, как он влюбился в эту женщину, он тоже делал картины, и очень хорошие... Так что влияет ли влюблённость на творчество? Вроде должна. Во всяком случае, на сам дух человека. Сильнее это выражается у поэтов, живописцев — у людей, не обязанных переживать чужие чувства, говорить не свои слова, как это вынуждены делать актёры. Если бы Борис Чичибабин не влюбился в Лилу, разве наслаждались бы мы ей посвящёнными сонетами, один другого изысканнее и строже? Уж я не говорю о Пушкине, Данте, Петрарке... А сколько нам оставлено нежных и страстных влюблённостей в сонме «портретов жён художников»!.. А как у актёров? Целый спектакль воображать, что Джульетта — это твоя Оля или Лена? Это слишком плоско! Тут, видимо, задействованы совсем иные свойства души, воображения, темперамента, сопоставлений — да мало ли чего... Однако, рассуждая о любви счастливой, держу в уме и несчастливую, неразделённую любовь. Есть люди, которые переносят эту беду стоически, держатся героически. А есть — слабые. Они мне гораздо ближе. По всем статьям. Вот этих людей, страдающих, мучающихся, я очень люблю, жалею и в жизни, и в художественных воплощениях. А твёрдые, сильные... Я им не очень верю.

— Какой он, слабый, ещё в вашем представлении?

— Это человек, никогда не страдающий комплексом собственной полноценности.

— Признаться в том, что слаб, порой ведь не под силу?

— Это — удел гения. Не гордиться своей слабостью, а держаться за свою слабость, не привлекая никого к состраданию. Помните у Пастернака?

Когда ж от смерти не спасёт таблетка,
То тем свободней время поспешит
В ту даль, куда вторая таблетка
Протягивает тезисы души.

Тогда не убивайтесь, не тужите,
Всей слабостью клянусь остаться в вас.
А сильными обещано изжить
Последний язв, одолевавших нас.

Как это просто: «Всей слабостью клянусь остаться в вас!» Вообще, что такое слабость? Неуверенность в правильности своего поведения, даже — выбранного пути. Неуверенность — как же это продуктивно, что ли. Это залог того, что человек способен совершенствоваться.

— Однако сомнение...

— Прекрасно, когда сомневаются! Человек без сомнения страшен. Я его боюсь. Я долго и близко знал человека, который совершенно не сомневался в правильности своих оценок, своих поступков, суждений о добре и зле. Смотреть на это сбоку невероятно тяжело. Как-то я даже полюбостовствовал: «Вы когда-нибудь перед кем-нибудь извинились?» Он растерялся — не мог вспомнить случая, когда кому-то сказал: «Простите, пожалуйста, я был неправ».

А вы знаете, какая сладость — признать свою неправоту и повиниться перед человеком, относительно которого был не прав?! Какая сладость! В этот момент думаешь, что не такой уж ты и плохой, как кажешься самому себе.

— Да, но разве государство не воспитывало у нас чуть ли не с пелёнок прямо-таки бойцовский дух?

— Ну что говорить о нашем прошлом. Да и нынешнем.

— Хорошо. Сменим тему. Известно, что ваша страсть — русская словесность...

— Всю жизнь — не публично, конечно — я читаю стихи. Видимо, от чтения классической литературы идёт восхищение необыкновенно точно выбранным словом. Чем выше поэт — тем точнее подбирает слово в строку, тем скупее, скрупулёзнее относится к рифме, собственно к слову. В тех строках, что я прочитал, Пастернак, один из самых изысканных поэтов в смысле рифмы, зарифмовал «нас» — «вас». Примитивнее не бывает в школьной стенгазете. Но, оказывается, это не имеет значения, если надо точно выразить поэтическую мысль...

Докапываться до какой-то сокровенной сути, разгадывать тайны — занятие опять же сладостное. Надо доставлять себе удовольствие. Их не так уж много на свете.

— Какие, например?

— Радости рассыпаны по жизни. Каждый день происходит нечто, чрезвычайно тебя возвышающее. Однако мы законесли в суждении о проживаемом нами времени, убедив сами себя в том, что все кругом обозлены, что ненависть висит в воздухе. Всё это чистая неправда, ерунда! Видя лес, не замечаем деревьев, а каждое — исполнено добра. Даже если в орущей что-то бессмысленное толпе взять любого человека и участливо посмотреть ему в глаза, окажется, что он не лишён добрых человеческих чувств! Отчаяние или инстинкт толпы довели его до скотского состояния. Уверю вас! Хорошо. Понимаю. Меня узнают. Но, думаю, даже не в этом дело. Просто кто-то поймал на себе располагающий взгляд другого, совершенно чужого, не зависящего от него человека. Огромная сила — расположенность загодя.

Вот замечание по жизни. В магазин за хлебом без очереди вошёл такой взлелеявший свою косичку мальчик. В одной из строк «Евгения Онегина» есть потрясающая концовка:

И молча обменённый взор
Ему был общий приговор.

Его, этого птенчика, никто не осуждал, но — «молча обменённый взор ему был общий приговор». Так вот, поймать взгляд постороннего, совсем незнакомого тебе человека, с которым точно совпал даже в оценке чего-то такого внешнего, необыкновенно приятно! Ты понимаешь, что он добрый, вдумчивый, не поверхностный человек...

Сейчас к нам из Петербурга приехала приятельница с очень давних пор, пережившая блокаду. Она никогда не жалуется на власть, считая это занятием пошлым, банальным. Потому что никакая власть не стоит благо-

дарности, а, конечно, только осуждения. Жаловаться на власть просто стыдно и некрасиво. Спрашиваю: «Лена, вот у тебя пенсия сорок четыре тысячи. Как же ты живёшь?» — «Мне хватает. Конечно, колбас не покупаю, мясо не каждый день, да оно мне и не нужно так часто, транспорт почти весь бесплатный, в Москву еду в сидячем поезде — всё не так страшно». Вообще, это потрясающе интеллигентный человек!.. Она одинока, у неё нет детей, но догадаться о том человеку постороннему невозможно! Она всю жизнь в детях. Вот есть какой-то мальчик Ваня, очень болезненный, претерпевший какие-то жуткие операции. Лена его выходила, выносила только что не в утробе... Есть Марьяша — это внучка её подруги. Марьяша сейчас родила девочку — Лена ежедневно ездит к ней. Это её внучка, понимаете, в чём дело?! Никакой разницы — родственники или нет — для неё не существует!

— А для вас?

— Мама моей жены, она была необыкновенной дамой, как-то заметила: «Родственники только те хороши, которые способны стать друзьями. Ну что мне оттого, что мы единородные? Кровавой этой связи я не чувствую». И я — тоже. Среди моих родственников есть два человека, которые мне близки по духу, я их люблю. То, что они ещё и родные, уже случай... Я очень рад успехам своего сына от первого брака Севочки. Он хороший инженер, научный работник. Прибавляет ли мне гордости, собственно, его статус родственника? Да нет, не думаю. Просто он человек милый, мне приятно держать его за бороду. Он интересен мне как личность.

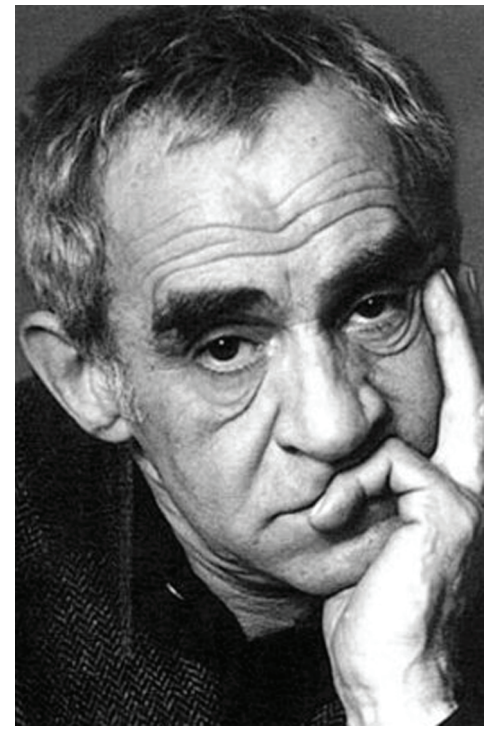
— Помните ли вы свои поражения?

— В ремесле?.. Их больше, чем побед. Ну, без этого не бывает, но Бог с ним, с ремеслом! Не могу вот уже больше пяти лет пережить полное фиаско, какое я потерпел в одном совсем чистом — казалось! — абсолютном беспроигрышном деле. Есть у меня подруга Вера Павловна Веденина. Эта прекрасная женщина, не задумываясь о своей жизни, 13 февраля 1943 года спасла мою, пронесла меня, раненого, с километр на своих руках. Она воевала всю ту войну, большое сердце, четвёртый этаж «хрущёвки». И я положил себе: «Расшибусь, пойду «торговать лицом» перед начальниками, добьюсь!» Брячихин, тогдашний партийный хозяин района, Илья Заславский, предрайсовета — каждый, что-то пообещав, ничерта не сделал. Верочка лишней раз за молоком не спустится — потом ведь надо ползти на четвертый... А Умалатова, на всех митингах заступающаяся за малоимущую фронтовичку, за мою Верочку, уже, говорят, приватизирует что-то весьма престижное в Крылатском. Вот это моё страшное поражение. Пойду попрошусь к Лужкову, даст Бог, что и получится...

— Вернёмся к вашему замечанию о, по сути, стереотипном восприятии времени, в котором живём. К тому же «холод жизни» — опять отсылка к «Евгению Онегину» — извечен. Выходит, ситуация крошечной безысходности, вбиваемая в сознание, нагнетается искусственно? Это очередная спекуляция на чувствах сограждан?

— Думаю, да... Видимо, меня могут заподозрить в идиотизме — что за оптимизм в такую пору? Что ж, пусть.

Безусловно, есть огорчения глобальные, всесветные. Огорчения относительно общества, в котором мы живём. Я актёр и людей окрест, так или иначе, числю публикой. Так вот, публика у нас получилась ужасная. Ну какого чёрта Нонна Мордюкова, Инна Чурикова, Вячеслав Полушин, да и другие актёры стара-

ются, даже премии какие-то получают, когда публику это ничему не учит?! Публике не нужна великая Инна Чурикова! Не нужна!!!

— Быть может, вы преувеличиваете?

— Чурикова нужна вдумчивому, сострадающему меньшинству. А большинство верит чудовищной — ну ни в какой самодеятельности ПТУ это не может быть признано даже на мало-мальском уровне! — игре лидера очень такой популярной партии! Его кошмарное наигрывание нельзя смотреть без душевных мук! Душевно страдаешь от того, что человек занимается твоим делом — то есть актёрством, но так мерзко, что просто стыдно становится. (Не ему — мне!) А публика ему внимает. Значит, публика настолько извращена и испорчена жутким искусством, которое ей насаждалось три четверти века, что потеряла оценки, критерии хорошей и плохой игры. А человек, вообще не играющий, не умеющий играть, а лишь старающийся выразить правду, вызывает у неё раздражение, неприязнь...

Вы можете себе представить, чтобы Сахаров приспособился, как произнести ту или иную фразу — громче, тише или вот так набиваться, или выбирал перед зеркалом нероновоускую причёску, кривлялся? Нет, невозможно! У него, как говорилось раньше, этого в заводе нет. И у Гайдара в заводе нет игры, он не актёр. И Элла Памфилова — чистое, совестливое существо. Оказываетесь, это минус, изъян для политика. Надо быть популистом — а они не могут сказать глупость ради эффекта. Есть люди, которые не умеют врать. Совершенно не врущий человек выглядит идиотом — на этом построены классические персонажи! Он не понимает: ложь во спасение или нет, говорить неправду для него — выше сил...

Вообще, как это удивительно — наивность и убеждённости! Помните, в дивной, необыкновенной пьесе «Две стрелы» Александра Володина Глава рода, вычисляя убийцу Длинного, говорит Ушастому:

«— Можно подумать, что ты его и убил <...> Стрелы-то были твои?»

— Ну и что?

— Значит, если ты не убивал, ты должен это доказать <...>

— Я же знаю, убивал я или нет!

— Это верно...»

Поверил. Тогда, в доисторические времена, ещё не умели врать... А теперь нередко в поступках (публичных!) умысла больше, чем помысла.

— Но и дело, задуманное как благое, нечаянно, в секунду, ненароком может лишиться этого посыла?

— Когда-то мы были в Румынии на гастролях и там познакомилась с милейшей дамочкой-переводчицей, русской по происхождению, совершенно нищей, мечтавшей побывать в Москве. И вот последний спектакль. Банкет. Принимали нас необыкновенно пышно. Ночью после торжества по лунной улице возвращаемся домой — раздобревшие, сытые, пьяненькие немножко, и тут мне сослуживец, вполне благополучный человек, говорит: «Знаете, по-моему, я сейчас сделал очень хорошее дело!» — «Какое же?» — «Подарил Людмиле тысячу лей на поездку в Москву». — «Действительно, дело хорошее. Единственно, что скверно...» — «Что скверно?» — «То, что вы мне об этом рассказали...» — «Да, да!.. Ну кто меня за язык тянул?! Ужасно хотелось похвастаться!..» Но этот-то человек хоть признался, что не удержался — хотел выглядеть хорошим в глазах другого. Вот ведь в чём дело...

— Афишируемая почти на каждом столе благотворительность вызывает чувства довольно противоречивые, не так ли?

— Да, понимаю, что благо здесь больше, чем противного. Но то, что спонсоры стремятся быть на виду — смотрите, мол, какие мы добрые!.. Что-то есть в этом... Помните, как прищучил Верховный Совет Сахарова: «Вы трижды получали Ленинскую премию! Куда дели эти деньги?!» (Кстати сказать, то была сумма немаленькая — сто тысяч рублей, по нынешним временам — сто миллионов.) И Андрей Дмитриевич нехотя, его уже просто к стенке прижали, ответил: «Мы отдали эти триста тысяч на строительство онкологического центра». Но целое общество о том даже и не знало! Сам Сахаров жил в маленькой квартирке, не имел никакой красной мебели... Вот два разных поступка, два разных дарения. Сопоставляйте. Люди хотят выказаться. Конечно, так было во все времена. Но в воспитанном русском обществе знают, чего нельзя делать публично. Предвижу саркастическое: «Это вы будете учить меня, как следует вести себя в русском обществе?!» Извините, так получилось, ничего не могу поделать...

— **Ваше отношение ко всякого рода непрофессиональным художественным коллективам, как надо полагать из ваших слов, довольно скептическое...**

— Нехорошего в этом не так уж и много. Хорошего — довольно мало... Но любое занятие мальчиков и девочек в изо-, фото-, музыкальных и тому подобных кружках считаю благом, потому что в это время они не пьют в подворотных политуру, не колются, не насилюют, а приобщаются к более или менее культурному существованию.

Что же до взрослых... Дилетанты — если это не касается медицины, политики, науки, а также стихосложения — самые лучшие люди на свете. Однако если человек воображает себя поэтом, сумев зарифмовать четыре строчки, это беда. Графоманство — одно из самых распространенных заблуждений в любом обществе. Но в России оно наиболее выражено, конечно. Из сонма пишущих гениев — один. По этому поводу у Давида Самойлова есть стихотворение, написанное белым стихом. Звучит примерно так:

В этот час гений садится писать стихи.

В этот час сто талантов садятся писать стихи.

В этот час тыща профессионалов садятся писать стихи.

В этот час сто тыщ графоманов садятся писать стихи.

В этот час миллион одиноких девиц садятся писать стихи.

В этот час десять влюблённых юнцов садятся писать стихи.

В результате этого грандиозного мероприятия

Рождается одно стихотворение.

Или гений, зачеркнув написанное, отправляется в гости.

Нет-нет, я обожаю дилетантов! Среди них бывают очень одарённые люди. Человек с любовью занимается каким-то делом не ради хлеба насущного — и этим он прекрасен! У меня есть знакомый, он физик-теоретик, членкор, Евгений Львович Фейнберг. Лучшего знатока мировой живописи, литературы и философии я не знаю — этим творчеством он замечательно коротает досуг; им написано множество эссе по искусству, ещё при жизни Твардовского опубликованных в «Новом мире».

— **Ещё о ваших литературных интересах. Кажется, к Бабелю у вас особое почтение из пишущих в этой же манере? Скажем, дважды в одном и том же 1989 году вы сыграли его Арье-Лейба — в фильмах «Биндюжник и Король» Владимира Аленикова и «Искусство жить в Одессе» Георгия Юнгвальда-Хилькевича; есть у вас и совместная работа с Михаилом Филипповым — спектакль «Одесские рассказы» Исаака Бабеля» (режиссёр Никита Тягунов, 1984)...**

— «...В этой же манере...» Образ мысли этого писателя не может не быть близок любому. Его поиски выразительности, строй образов, его метафоры не могут не увлекать. Но со временем происходит какое-то переосмысление: ну успокойся чуть-чуть, право, не надо уж так восхищаться, превозносить кого-то одного... Ведь смотря что с чем сравнивать. С Толстым? Любое сравнение будет в пользу Льва Николаевича. Хотя бы потому, что им так ценились простота выражения, ясность, абсолютно игнорировалась эффектность речи. В русской поэзии? Баратынский. Столь умного, художественно мыслящего, самоироничного поэта нет, мне кажется, не то что в русской, но, может быть, и в мировой поэзии.

*Желанье счастья в меня вдохнули боги;
Я требовал его от неба и земли
И в след за призраком, манящим издали,
Жизнь перешёл до полдороги,
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.
Как современно, не правда ли?.. Какая не-*

возможная личность, какое необыкновенное счастье, что ты с ним дружишь! У меня есть такие друзья и среди живых тоже.

Ирония, обращённая на себя, как же это высоко и завораживающе! Думаю, это одна из самых ведущих черт любого мыслящего человека. Она никогда не поставит тебя в глупое положение относительно общества, и ты вряд ли будешь виноват перед людьми, если иронично относишься к самому себе. Ну как не хватает самоиронии замечательному молодому человеку Явлинскому!.. Или Шахраю... Не хватило самоиронии — и они друг с дружкой все перессорились при виде жуткого обвала, той кошмарной гибели, которая надвигается на нас, поверивших им. Обиделись! Ну надо же!.. Как можно Лукину, который публично декларировал дружбу с одним из самых самоироничных людей на свете Юликом Кимом, ничего не перенять от него?! Это ж с ума сойти!.. При том, что человеком кажется вполне восприимчивым, образованным...

Гениально всё-таки нашёл определение некоему явлению нашей жизни Солженицын — «образованщина», что вовсе не тождественно понятию «интеллигентность».

— **Что, на ваш взгляд, помогло бы её воспитать?**

— Думаю, интеллигентность воспитывается чтением русской литературы. Люди наизусть знают Пруста, Манна, Борхеса и тому подобных и забыли «Дворянское гнездо», «Вешние воды». Как это возможно? Быть русским, русскочитающим — и предать забвению такое рассыпанное перед тобой богатство?! И не надо бегать по книжным лавкам, искать — достаточно просто достать книгу с полки...

Последние годы я и на два дня не могу расстаться с синим томом Пастернака — на мой взгляд, это самое лучшее издание. Уже и истрёпан он, залестан, какие-то странички выпадают... При том, что читаю этого поэта целую жизнь, знаю очень многое наизусть, копаться, раскапывать истинный смысл в его удивительных строках — раньше как-то не замечал то место и только сейчас вдруг понял: так вот, оказывается, в чём тут дело! — невероятное наслаждение! Как это интересно!.. Дважды брался за «Фауста», но так и не одолел, пока его не перевёл Пастернак. Боже мой, неужели по-немецки это звучит так же высоко и прекрасно?! Не может быть!.. Конечно, нам ещё дико повезло: гениальные писатели переводили великих иноязычных сочинителей.

В общем, греет и держит на плаву, как принято говорить, знание того, что живёшь в одно время с какими-то совершенно особыми, необыкновенными личностями. Есть учёный Сергей Сергеевич Аверинцев, мы с ним не знакомы, но всякое сказанное или написанное им слово доставляет мне наслаждение. Ну какое счастье, что у этого народа есть Аверинцев! Это же необыкновенно, правда?! Аверинцев, которому Бог не дал и не даст быть участником чего-то грязного, корыстного, да просто безвкусного.

— **Похоже, и здесь ваши приоритеты, как у Пастернака в строках из стихотворения «Дерево, только ради вас...»:**

*И если мне близка, как вы,
Какая-то на свете личность,
В ней тоже простота травы,
Листвы и выси неприличья.
И вы вообще не позволяете себе никаких уступок?*

— Что вы, вся жизнь соткана из компромиссов! Без них не бывает. Во всяком случае, у меня. Хотя, конечно, смотрю на каком поводе допущена уступка... Вот открыл сегодня подаренную книжечку с пietetотом на четыре строчки в мой адрес. Начал читать. Какое же чудо-вище! Мы не только с автором по разные стороны баррикады, из разных станом, но он — мой идейный враг. Удивительно, что человек, просидев полтора часа на моём выступлении, сам того не заметил! Я вовсе не желаю ему худа. Может, образумится. Как цыгане говорят, ещё наборзится — возмузжает.

У меня есть замечательный друг, хороший учёный, вот он совсем не умеет идти на компромиссы. О компромиссах просто речи быть не может. Этот человек, Владимир Иванович Зенков, не способен ни соврать, ни попросить о какой-то услуге — а, наоборот, только отдавать, отдавать, отдавать. Всё время. А пособить его нужде — уж как надо постараться изловчиться, чтобы он ничего не заметил. Жутко щепетилен.

— **Вашего имени сегодня, увы, не видно на театральных афишах...**

— В театре не играю. Но — зовут. И довольно часто. Уже, видимо, года полтора у меня совсем нет долгов, пенсия приличная, башмаков и кофт нам с женой покупать не надо — словом, экономически я свободен, поэтому от предложений, не самых соблазнительных, могу отказываться. Тоже, скажу вам, изрядное удовольствие.

Елена Константинова.

Беседа завизирована 12 апреля 1994 года.

Опубликована впервые в «СК-новости»

15 ноября 2017 года.

Игорь РОЗОВ

«Ионычи»?

1.

Напротив трамвайного депо, через дорогу, в самом начале Степовой, в старом трехэтажном доме жил доктор Чехович. Дед был его знакомцем с сорок четвертого, со дня освобождения города. Это я потом узнал, что старик практиковал еще с начала прошлого века. Поселился на Молдаванке и никуда оттуда не съезжал. К Чеховичу меня привели, когда были испробованы все методы лечения моего воспалившегося уха. Месяца три я ходил в школу с повязкой через голову, вызывавая зависть одноклассников. Еще бы! К доске не вызывали: плохо слышу. Контрольные не пишу: ой, болит, спасу нет! Словом, лафа. Деду мои выходки надоели. В ближайший его выходной мы появились у старого лекаря. Гнутые «венские» стулья вокруг круглого стола. Какой-то поднос с незнакомыми блестящими предметами. И старик в белом халате, с бритыми лицом и черепом.

— Садитесь! — кивнул в сторону стула. Размотал повязку. Воткнул в ухо какую-то прокладную шпиковину и что-то долго там рассматривал. Потом сел за стол и на бланке, где сверху было напечатано «Доктор Чехович», стал выводить четким почерком непонятные слова. Теперь понимаю: писал рецепт на латыни. Повязку он поменял. Сунул деду в руки рецепт и отвел его ладонь, таянущуюся к карману белого халата.

— Нет, нет, Алексей Ильич! Это я — Ваш должник. Идите сразу в аптеку. Капать три раза в день. Через неделю — ко мне.

Провизор долго изучал написанное Чеховичем. Потом недоуменно вздохнул и приказал зайти вечером. Эту темную воюющую гадость — запах помню до сих пор! — капали в ухо семь дней. Когда бабуля привела меня в уже знакомую квартиру, я был без повязки, понимая, что мои «больничные» каникулы испарились. Чехович прожил долго. Лет до девяноста. Его хоронили всем двором, а на улице теснились люд разных возрастов. От стариков до молодых. Полагаю, бывшие пациенты. Вот как определить, кем он был для этих людей? Наверное, «семейным» врачом...

2.

Год назад жена пошла выгуливать нашего Левку. Псиная глупая, но добрейшая. Произошло это утром. А ночью шел дождь. Потом ударил мороз. И асфальт к рассвету превратился в каток. Левка, понятно, не очень-то желал гулять по холоду. И где-то к середине квартала, перед выходом на бульвар Жванецкого, рванул домой. Результат? Приехал сын и увез Наталью в травматологию.

Разговор с врачом. — Будем накладывать гипс или предпочтете специальную повязку?

Тут я сделаю небольшое отступление. Поскольку ничего не понимаю в медицинской терминологии, использую исключительно бытовые определения.

— А что лучше, доктор? — Повязка. Она хорошо держит локтевой сустава. Но стоит дорого...

Сын: — Где ее купить?

— А в вестибюле есть наш киоск.

Сын: — Нужен какой-то рецепт?

Врач: — Я пойду с вами и сам скажу, что надо.

Принесли. Приспособили. Пару месяцев жена носила. Теперь эта шпиковина лежит где-то на полке. Каждый визит стоил нескольких сотен гривен врачу и чуть меньше медицинской сестре. Она «губкой» острожно вытирала плечо и локоть. Бюджет лечения не фиксировал. Понимаю: у каждого он бывает разным. Допускаю: кому-то ничего не стоит, а кто-то платит за это бесплатное многократно.

Посему статья 49 Конституции Украины, звучащая так: «Каждый имеет право на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование. Охрана здоровья обеспечивается государственным финансированием соответствующих социально-экономических, медико-санитарных и оздоровительных-профилактических программ. Государство создает условия для эффективного и доступного для всех граждан медицинского обслуживания. В государственных и коммунальных учреждениях здравоохранения медицинская помощь предоставляется бесплатно; существующая сеть таких учреждений не может быть сокращена. Государство способствует развитию лечебных учреждений всех форм собственности. Государство заботится о раз-

витии физической культуры и спорта, обеспечивает санитарно-эпидемиологическое благополучие», — это «липа».

Что всем хорошо известно. Аптеки и специализированные киоски при больницах — это еще одна история. Мне приходилось лежать в одной из одесских больниц. Происходило все в середине девяностых. Так вот, лекарств, нужных для лечения, там не было. Но в аптеке на первом этаже и жена, и сын покупали все необходимое.

Кто-то мне рассказывал такую версию. Врачи выписывают лекарство, которое есть только в знакомой им аптеке. И за это получают «откат». Довольны все: и лекарь, и провизор, и поставщик препарата. Внакладе, как всегда, пострадавший. Больной.

Не знаю, насколько реально такая схема. Допускаю: преувеличиваю. Но червяк сомнения волнует: а вдруг — правда? И если это так, то принцип «сооплаты», который заложен в принятую парламентом медицинскую реформу, опасен для кошмальной большинства украинцев. Подчеркну: никто сегодня не знает, как будет формироваться, к примеру, цены на хирургические операции разной сложности. «Семейный врач», без направления которого больного не примут в больницу, может оказаться в одной «упряжке» со своим коллегой — профильным специалистом из этого учреждения.

Последний обладает возможностью задурить голову пациенту и его близким рассказом, что без определенного лекарства, процесс выздоровления не пойдет. Препарат может стоить дорого. Очень дорого. Но что остановит нас на пути спасения любимого и близкого человека? Что? Прекрасно, если у кого-то солидные доходы. А те, что лишены этой радости? Квартиру продавать? Впрочем, пока до таких печальных выводов время есть. Вдруг государство проявит гуманность и для малоимущих сделает медицину бесплатной?

3.

В компанию, где служит мой сын, приехал коллега из другого города. Было это года два назад. Поздняя осень выдалась теплой. Мужик заявился в Одессу не то чтобы налегке — теплые вещи у него были, но не учел опасность нашего ветра у крошки моря. Словом, через парудней — занемог. Кашлял. Чихал. Потом затемпературировал.

Его отправили в один из модных в городе медицинских центров. Симпатичная барышня-терапевт усадила пациента в удобное кресло. Расспрашивает, что-то одновременно набирая на клавиатуру. Через минут пять-десять выдает диагноз: простуда, обыкновенная простуда. Несколько удивленный гость из другого областного центра Украины покинул уютный и красивый кабинет, изумляясь: до чего в Одессе дошла медицина! Даже не прослушали легкое, не заставили поднять майку. Медицина XXI века!

К вечеру температура подскочила почти до 39 градусов. Андрихо привез к коллеге в гостиницу своего бывшего одноклассника, отдохавшего у родителей в отпуске. Врача. Тот после осмотра схватился за голову и срочно вызвал «неотложку». У командировочного нашли воспаление легких.

Предполагается так называемая «онлайн-консультация». Когда по телефону или по «Скайпу», «семейный» врач будет ставить диагноз. Ну, чтобы не выезжать на дом, не тратить свое драгоценное время на передвижения по городу. Не убежден, что в каждой одесской квартире есть компьютер. Уверен: далеко не каждый пользователь подключен к «Скайпу». Это я об Одессе. О районных центрах или отдаленных селах — молчу. Там электричество может отсутствовать если не месяц, то неделю точно.

4.

У Антона Павловича Чехова есть рассказ «Ионыч». Я вспомнил его не сегодня. И не в связи с медицинской реформой. И уж тем более не затем, чтобы проследить путь превращения романтического молодого врача в упитанного дельца от медицины.

В этой профессии, как в любой другой, есть разные люди. Понимаю, вывод — банальный. Но куда без него? Если повезет, как мне в детстве, то встретится доктор Чехович. А кому-то — барышня из модного медицинского центра, хотя, полагаю, и там присутствуют стоящие профессионалы. Но здоровье — это промежуток между рождением и смертью. Конечно, лучше не болеть. А то вдруг к вашей постели придет не Чехович, а Ионыч?